

В. Эрн

Социализм и проблема свободы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Эрн**
Социализм и проблема свободы / В. Эрн – М.: Книга по Требованию, 2021. –
48 с.

ISBN 978-5-458-54793-2

ISBN 978-5-458-54793-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Разница, конечно, есть, и разница огромная.

При тираннии его существованіе нудное и тяжелое. Его эксплуатируютъ, его мучать, унижаютъ, истязуютъ. Вся его жизнь — страданіе. Когда же тираннія государства и тираннія капитала будутъ свержены, — онъ перестанетъ эксплуатироваться. Никто его внѣшнимъ физическимъ страданіемъ мучать не станетъ. Онъ будетъ сытъ, доволенъ и вся его жизнь будетъ радостной и счастливой. Положимъ, что будетъ дѣйствительно такъ. Но вѣдь это будетъ разница не съ точки зрѣнія *свободы*. Нужно вещи называть собственными именами. Жизнь станетъ тогда гораздо *счастливей*, чѣмъ сейчасъ, въ ней будетъ гораздо меньше страданій, но *свободы* въ ней не прибавится ни на іоту. Механизмъ останется механизмомъ все равно, будетъ ли онъ механизмомъ счастливымъ или механизмомъ несчастливымъ. Автоматъ останется автоматомъ, все равно завили ли его пѣть „марсельезу“ или „Боже Царя храни“. Но тогда, о какомъ же *освобожденіи* можетъ идти рѣчь? Нѣтъ! Въ такомъ случаѣ пусть говорятъ о довольствѣ, радости, веселіи, сытости, но пусть не смѣютъ употреблять великаго слова „свобода“.

Тутъ двухъ дорогъ быть не можетъ. Если мы стремимся къ дѣйствительному освобожденію, если переживаніе свободы есть для насъ безусловно данное, если мы хотимъ свободы такимъ сильнымъ желаніемъ, что безъ нея не примемъ никакой жизни, не согласимся ни на какую самую золоченую клѣтку, — то очевидно, или мы должны освободиться прежде всего отъ всякаго позитивизма, принципиально превращающаго человѣка только въ раба и вѣчную пѣшку, сбросить съ себя путы, которыя хотятъ сдѣлать насъ, свободныхъ людей, механизмами и автоматами, или же мы должны принципиально признать, что реальное освобожденіе невозможно; но тогда игра въ освобожденіе должна стать невозможной для сознательныхъ людей, и мы не смѣемъ уже плодить иллюзіи, кормить завѣдомымъ обманомъ простодушные головы массъ. Мы тогда честно должны сказать въ глаза всѣмъ униженнымъ, придавленнымъ и ждущимъ освобожденія: Господа! Никакой свободы никогда, нигдѣ и ни

въ чемъ не будетъ. Наука и философія доказали, что мы пѣшки и автоматы и всегда при всѣхъ условіяхъ останемся только пѣшками. Мы васъ накормимъ, утолимъ вашу жажду, но свободы никакой никогда не дадимъ“!...

Есть два типа позитивистовъ. Одни позитивисты душой, другіе — позитивисты мозгомъ. Первые низа что никогда не откажутся отъ своихъ теорій. Они будутъ твердо стоять на своемъ пустомъ мѣстѣ. Они *хотятъ* той теоретической клѣтки, въ которой сидятъ. Они *любятъ* серединность, обыденность и отсутствіе горизонтовъ, вытекающія изъ ихъ теорій. Жизнь широкой, вольной, съ безконечнымъ размахомъ они боятся, какъ птицы ночныя боятся восхода солнца. Свободы они не желаютъ. Бытію они предпочитаютъ небытіе. Или, во всякомъ случаѣ, они предпочитаютъ мутную мертвенную воду изъ потока быванія—чистой, животворящей водѣ изъ бездонныхъ глубей истинной жизни. У Пругавина въ „Монастырскихъ тюрьмахъ“ приводится такой случай: какой-то несчастный сидитъ въ казематѣ цѣлыхъ 56 лѣтъ. Все человѣческое въ немъ исчезаетъ. Онъ обращается въ немоющее безсильное существо, лишенное всякой жизни и всякаго движенія. Черезъ 56 лѣтъ сидѣнія приходитъ распоряженіе его выпустить. Снимаютъ заперы и говорятъ, что онъ можетъ идти, куда хочетъ. Но онъ ужъ не понимаетъ. Его насильно выводятъ изъ ямы, въ которой сидѣлъ онъ, на солнечный свѣтъ, но онъ жалкій, несчастный, такъ боится простора, свѣта и жизни, что съ какимъ-то жалобнымъ животнымъ стономъ *лизаетъ снова въ яму*, гдѣ просидѣлъ заключеннымъ всю свою жизнь. Онъ такъ привыкъ быть заключеннымъ, что свободы уже больше не хочетъ. Вотъ истинный образъ душевныхъ позитивистовъ. Свободы они не хотятъ. Оттого имъ и не душно въ позитивизмѣ. Оттого они и не хотятъ измѣненій въ основныхъ линіяхъ жизни. Они хотятъ только реформы въ режимѣ. Болѣе строгій тюремный режимъ, при которомъ кандалы—капиталъ, государство,—врѣзаются слишкомъ больно въ руки и ноги, они мечтаютъ замѣнить либеральнымъ режимомъ, въ которомъ съ уничтоженіемъ государства и установленіемъ нормальной экономической организаціи, кандалы

будутъ обернуты мягкой ватой, такъ что боли уже больше не будетъ; но кандалы все же останутся кандалами, и духъ человѣческій останется вѣчнымъ узникомъ. Мечта о реформѣ режима—вотъ *предль* ихъ желаній. Эти люди — носители духа Антихриста. Изъ нихъ народится то стадо людей безъ человѣческихъ душъ, которое будетъ куплено хлѣбомъ. Они успокоятся, духъ ихъ угаснетъ, исканіе прекратится и они поклонятся человѣку, который религіей объявитъ стояніе на пустомъ мѣстѣ позитивной данности, который богомъ объявитъ себя. Поклонятся можетъ быть потому, что изъ боязни грядущей свободы, захотятъ объединиться, — всѣ рабы духа, — для того, чтобы отстоять оковы свои. Только что приведенный пругавинскій заключенный полѣзъ обратно въ мѣсто своего заключенія; какъ лѣзетъ въ кануру свою собака, если ее вызовешь случайно на холодъ. Но еслибъ этого несчастнаго стали снова выводить на свободу, стали стыдить его, онъ бы раздражился, превратившись въ животное, онъ сталъ бы злобно рычать и кусать тѣхъ, кто пришли его звать на свободу. Такъ и люди изъ стада Антихриста, позитивисты душой, не снесутъ пламенной проповѣди о свободѣ, которая раздастся изъ устъ возрожденной Церкви; они станутъ злоститься на эти призывы сорвать оковы, къ которымъ привыкли. Станутъ злоститься и объявлять войну святымъ пророкамъ полнаго освобожденія человечества и, видя безсиліе свое, вызовутъ изъ темныхъ нѣдръ своего противленія Истинѣ, — Звѣря - Антихриста. Вотъ будущее душевнаго позитивизма. И поскольку въ социализмъ есть элементы, не только теоретическаго, но и душевнаго позитивизма, постольку социализмъ дѣйствуетъ не въ сторону освобожденія человечества, а въ сторону самаго худшаго и низкаго духовнаго рабства; — постольку социализмъ *работаетъ на Антихриста*.

Но есть позитивисты только въ теоріи. И такихъ большинство. Свобода для нихъ — самое священное, самое дорогое изъ всего на свѣтѣ. Она открывается имъ въ живыхъ пламенныхъ переживаніяхъ. Она вдохновляетъ ихъ на рѣчи, отъ которыхъ сотрясаются основы стараго міра. Изъ жажды этой, настоящей свободы они идутъ десятками и сотнями

на гибель; ихъ казнятъ, пытаются, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ тундры, но идея свободы, зажегшая ихъ души, торжествуя, находитъ новыхъ борцовъ, — преслѣдованія дѣлаютъ только болѣе жгучимъ, болѣе всепобѣждающимъ пламень, которымъ она зажигаетъ сердца своихъ избранниковъ. Это—святая сторона въ социализмѣ. Это—дыханіе Церкви. Этимъ социализмъ работаетъ на Христа. И люди, служившіе этой свободѣ, невѣдомо себѣ служили и служатъ грядущему возрожденію Церкви. Этимъ людямъ мы хотимъ сказать о другомъ. Пусть сознаютъ они, что нельзя служить двумъ господамъ. Нельзя проповѣдывать теорію рабства, превращать принципиально людей въ какія-то пѣшки, которыхъ будетъ двигать всегда что-то постороннее имъ и которые никогда не станутъ свободными, активными центрами,—и въ то же время пылать жаждой свободы истинной и практически нести людямъ освобожденіе. Тутъ опять нужно сказать: „Carthago est delenda “ Пока владычество Рима ограничивалось только Италіей, пока онъ внутренне росъ, готовясь къ своей послѣдующей всемірной роли, Картагенъ для него былъ не страшенъ. Онъ могъ не обращать вниманія на врага своего и не знать даже, что это врагъ. Но какъ только Римъ, выросши, сталъ превращаться въ міровую силу,—онъ долженъ былъ или склониться самъ передъ пунійцами, или безслѣдно стереть съ лица земли своего кровнаго врага. Или Римъ, или Картагенъ. Но вмѣстѣ они уже болѣе существовать не могли. Такъ точно обстоитъ дѣло и съ позитивизмомъ. Идея общественнаго освобожденія, лежащая въ основѣ социализма, въ силу нелѣпѣйшей абераціи мысли, которая была результатомъ *только* историческихъ условій, могла временно связывать себя съ теоретическимъ позитивизмомъ. Социализмъ и позитивизмъ могли умѣщаться рядомъ въ сознаніи, не зная о томъ, какъ враждебны они другъ другу. Но теперь, когда социализмъ переходитъ изъ инкубаціоннаго періода въ періодъ органическаго роста, когда онъ вступаетъ въ жизнь, и, можетъ-быть, въ недалекомъ будущемъ будетъ призванъ отвѣтить на всѣ вопросы сознанія и создать *универсальное* міровоззрѣніе, онъ долженъ сознать въ позитивизмѣ злѣйшаго врага той сво-

боды, которая является его верховной цѣлью и его главнымъ жизненнымъ нервомъ. Время, исторія безповоротно ставятъ дилемму: Если социализму—позитивизмъ дороже свободы,—пусть онъ сознательно приметъ свой жребій, откажется отъ всѣхъ пустыхъ и обманчивыхъ обѣщаній освобожденія и идетъ туда, куда предназначено итти ему его рокомъ. Пусть онъ говоритъ только о хлѣбѣ, только о сытости, только о счастьѣ, только объ удовольствіяхъ, но всякое его слово о свободѣ—будетъ обманомъ.

Но если социализму свобода дороже всего, если ему, дѣйствительно, наплевать на формы, лишь бы реальность была достигнута, лишь бы освобожденіе, дѣйствительно, было выполнено, — тогда Кареевъ позитивизма долженъ быть разрушенъ до основанія.

Или за позитивизмъ противъ свободы — тогда Антихристъ.

Или за свободу противъ позитивизма, — тогда Христосъ.

— — —

Христосъ... Но почему же Христосъ? Почему же не Кантъ? Почему не философія, которая теоретически обосновываетъ возможность и мыслимость свободы? Въдѣ при соединеніи практическаго социализма съ трансцендентальной философіей Канта можно получить такое міровоззрѣніе, которое заполнить идеей подлинной свободы экономическое освобожденіе, проповѣдуемое социализмомъ. Почему же говорить непременно о христіанствѣ?

Этотъ вопросъ разрѣшается очень просто.

Въ философіи Канта проводится рѣзкая грань между царствомъ природы и царствомъ свободы, между міромъ явлений, подчиненныхъ закону причинности, и міромъ вещей въ себѣ, къ которымъ относится наша свобода. Эта грань настолько рѣзка, рѣшительна и принципиальна, что кантовская идея свободы абсолютно неспособна заполнить реальнымъ смысломъ освобожденіе, совершающееся во времени и пространствѣ. Между міромъ явленій и міромъ вещей въ себѣ нѣтъ никакого моста. Взаимодѣйствіе между ними принципиально не допускается. Нуменализація фепоменовъ или,

говоря христiанскими термипами, реальное преображеніе этого міра *невозможны*.

Понятіе всемірно-историческаго *процесса*, въ которомъ совершается постепенное проникновеніе Логоса во всѣ элементы мірозданія, кантовскимъ міровоззрѣніемъ исключается. Тотъ міръ—самъ по себѣ. Этотъ—самъ по себѣ. Тотъ міръ пребываетъ въ вѣчно-статическомъ состояніи. Въ этомъ же мірѣ совершается всесторонняя эволюція. Но эта эволюція—эволюція только феноменовъ. Въ результатѣ этой эволюціи никогда не получится на мѣстѣ феноменовъ пумы. Какъ бы міръ явленій не измѣнялся, онъ всегда останется *только* міромъ явленій. И новаго неба отъ того, что дѣлается на землѣ никогда не получится. Мы свободны по Канту. Мы не пѣшки, не автоматы. Но мы свободны *всегда и при всякихъ условіяхъ*. Рабъ, прикованный къ ручной мельницѣ и работающій, какъ выучное животное на какого-нибудь развратнаго патриція, свободенъ точно такой же свободой, какой свободенъ геніальный мыслитель, послушный только голосу своего непосредственнаго творчества. Какъ ни измѣняй внѣшнихъ условій, никогда отъ этого наша свобода не возрастетъ ни на іоту. Рабочія массы, объ освобожденіи которыхъ думаетъ соціализмъ, свободны уже сейчасъ трансцендентальной свободой. И этой свободой не увеличитъ ни на одинъ волосокъ освобожденіе изъ подъ гнета капитализма, путемъ осуществленія соціализма. Плоскость нашего міра окована желѣзнымъ кольцомъ закона причинности и *останется такой всегда*. Но разъ свобода не будетъ увеличиваться отъ того, что соціализмъ будетъ вести борьбу за освобожденіе, то освобожденіе это будетъ такимъ же *иллюзорнымъ*, какъ и освобожденіе, мыслимое въ міровоззрѣніи позитивномъ. *Реальнымъ* процессъ освобожденія быть не можетъ. Итакъ, признаемъ ли мы свободу Канта или не признаемъ, отъ этого въ самомъ *процессѣ* освобожденія, которымъ занятъ соціализмъ, ничего не прибавится, и ничего не убавится; отъ этого процессъ этотъ никакого отношенія къ реальному увеличенію человѣческой свободы имѣть не будетъ.

Такимъ образомъ или нужно отказаться отъ всякаго освобожденія, или же, если мы хотимъ заполнить реальнымъ

смысломъ это освобожденіе, — (а безъ этого какъ можемъ мы служить ему и отдавать ему свои лучшія силы?), мы должны покинуть и почву некритическаго позитивизма и почву критической, но пустой и не имѣющей отношенія къ жизни философіи Канта. Намъ нужно перейти на почву иныхъ представленій.

Когда говорятъ о свободѣ, всегда стараются этотъ труднѣйшій вопросъ теоретической философіи ставить *формально*. Въ извѣстномъ смыслѣ это правильно. Этотъ вопросъ столь сложный, что иначе нельзя было бы разрѣшить его дѣйствительно философски. Но ограничиться формальнымъ разсмотрѣніемъ вопроса нельзя. Нельзя потому, что устранить противорѣчія, связанныя съ кантовскимъ разрѣшеніемъ проблемы свободы, разрѣшеніемъ гениальнымъ и въ основѣ своей философски достаточнымъ, — можно только такимъ цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, въ которомъ всѣ идеи оцѣниваются и связываются во-едино не только со стороны своей формы, но и со стороны своего *содержанія*.

Идею свободы нужно разсмотрѣть со стороны ея внутренняго содержанія. Только тогда можно увидѣть ее въ томъ видѣ, когда между нею и жизнью будетъ не пропасть, а когда онѣ будутъ сливаться въ нѣчто органически-единое. А только при этомъ условіи, освобожденіе, которымъ задается социализмъ, будетъ, дѣйствительно процессомъ реального увеличенія въ этомъ такъ называемомъ „мірѣ явленій“ той подлинной свободы, которое корни свои имѣетъ въ *мірѣ вещей въ себѣ*.

Со стороны содержанія идею свободы можно расчлениить на два раздѣльныхъ понятія.

Есть свобода *хотѣнія*¹⁾, и есть свобода *дѣланія*.

Свобода дѣланія немислима безъ свободы хотѣнія. Она обшириѣе и содержательнѣе. Она есть продолженіе и завершеніе свободы хотѣнія. Но продолженіе столь необходимое,

¹⁾ Оговариваюсь, что свободу хотѣнія я понимаю не въ смыслѣ свободы эмпирическаго хотѣнія, а въ смыслѣ свободы тѣхъ изначальныхъ вѣб-эмпирическихъ актовъ, которые вытекаютъ изъ *трансцендентальной* свободы, и которые только *символизируются* въ иллюзіи свободы эмпирическаго хотѣнія. Это уяснится изъ дальнѣйшаго.

что въ свою очередь, *безъ нея* свобода хотѣнія есть понятіе—мертвое и для жизни абсолютно-ненужное.

При свободѣ хотѣнія я свободенъ только въ потаенныхъ глубинахъ моей личности. Я не знаю, гдѣ я и въ чемъ я свободенъ. Я знаю только по чувству вины, которое сопровождаетъ извѣстные поступки мои, что я гдѣ-то въ глубинахъ совѣсти моей предпринимаю шаги, отвѣтственность за которые ложится на мнѣ. Со всѣхъ сторонъ я скованъ міромъ необходимости. Все уже дано, все движется по опредѣленнымъ и ненарушимымъ законамъ, и я только въ одной какой-то абсолютной точкѣ моего существа, прорываю жизнью своей эту плоскую данность и не теряю ни, связывающей меня съ мірами „иными“, съ свободнымъ царствомъ вещей въ себѣ. Но все вѣншее, все, что кругомъ меня, уже существуетъ независимо отъ меня и существуетъ въ формахъ каузальной необходимости. Такимъ образомъ, когда я хочу, хотѣніе мое по формѣ свободное, психологически заполняется содержаніемъ изъ этого даннаго міра. Я могу хотѣть только того, что есть, что я вижу, что, я чувствую, что я ощущаю. Ибо если я захочу чего-нибудь такого, чего въ этомъ мірѣ данной реальности еще нѣтъ, то хотѣніе мое останется съ точки зрѣнія этого міра безпредметнымъ, а потому и бесплоднымъ. Оно не было бы бесплоднымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я имѣлъ власть побѣдить косность среды, меня окружающей и воплотить въ этомъ мірѣ то, что открывается въ личности моей соприкосновеніемъ съ міромъ вещей въ себѣ. Но эта власть истекаетъ изъ одной свободы хотѣнія не можетъ. Она можетъ даваться только свободой дѣланія.

Свобода хотѣнія пуста потому, что при ней я могу только *выбирать* между тѣмъ, что уже мнѣ дано. Ничего создать, ничего поваго творческимъ актомъ породить я не могу. И еслибы у насъ была *только* свобода хотѣнія, то у насъ не было бы *вовсе* свободы. Потому что, если я *только* выбираю между тѣмъ, что мнѣ дано, то на основаніи чего одно данное я буду предпочитать другому данному? На основаніи чего одну форму поступка я предпочту столь же немногую опредѣляемой формѣ другого поступка? Если я отвѣчу,

что только потому, что одно данное посылаетъ въ душу мою болѣе сильныя и зовущіе мотивы, чѣмъ другое, — то это будетъ чистѣйшій детерминизмъ; если жъ я скажу, что выборомъ руководятъ тѣ изначальныя вѣѣмприческіе акты моей личности, къ вторымъ нельзя уже обращаться съ вопросами почему? и на какомъ основаніи?—то это значитъ, что для себя, въ отношеніи не вѣшняго міра, а въ отношеніи только своей собственной личности я допускаю не только свободу хотѣнія, но и свободу дѣланія. Я безсиленъ что-нибудь сдѣлать съ міромъ данности, меня окружающимъ; но въ отношеніи себя я свободенъ на творческіе акты, создающіе то, чего во мнѣ не было и уничтожающіе то, что во мнѣ было. И такимъ образомъ, если бы не было во мнѣ въ отношеніи себя самого свободы дѣланія, то не могло бы быть во мнѣ мѣста и свободѣ хотѣнія, ибо *вся* душа моя силосою была бы заполнена тогда мотиваціей.

Но если допустить свободу дѣланія только въ отношеніи себя и не допустить ея въ отношеніи окружающаго міра, то отъ этого получится нѣчто *болѣе*, чѣмъ отъ признанія трансцендентальной свободы Канта, но все же очень недостаточное для социализма. Въ области своей внутренней жизни, т.-е. моральнаго поведенія, (потому что эстетическія и религіозныя переживанія зависятъ не отъ одного меня, а отъ того объекта, къ которому они относятся), я могу творить и создавать. Что же касается вѣшняго строя, то я безсиленъ передъ нимъ. И ничего подѣлать съ нимъ, ничего измѣнить въ немъ не могу. Но тогда и бороться съ нимъ, направлять свои усилія въ сторону измѣненія его хотя бы самаго архиреволюціоннаго—для меня дѣло безплодное.

Творческой задачей моей жизни, т. е. единственно-плодотворнымъ для каждаго человѣка занятіемъ можетъ быть только самоусовершенствованіе. Но строить на одномъ самоусовершенствованіи дѣло общественнаго освобожденія,—социализмъ это хорошо и правильно понимаетъ, совершенно нельзя.

Въ основу полного освобожденія человѣчества отъ всякаго рабства должна быть положена болѣе глубокая и болѣе универсальная идея *свободы дѣланія*. Я въ самыхъ крат-

кихъ словахъ очерчу эту идею. Ея очертанія намѣчаются тѣмъ, что сказано выше.

При свободѣ хотѣнія я могу только свободно хотѣть. Но надъ тѣмъ, что выйдетъ изъ этого хотѣнія я совершенно не властенъ. Я могу хотѣть тысячи лѣтъ и съ напряженностью титановъ, громоздившихъ Оссу на Пеліонъ для того, чтобы свергнуть Олимпъ, — во внѣшнемъ мірѣ отъ этого *ничего*, рѣшительно ничего не измѣнится. Всѣ вещи останутся на своихъ мѣстахъ. Вездѣ будетъ кровь, насиліе, рабство и смерть. И если я хочу сдѣлать свободнымъ не только себя, но и тотъ міръ, съ которымъ я связанъ такъ кровно, такъ близко, что не освободивши его, не приму и собственной своей свободы, то, очевидно, свободы хотѣнія мнѣ недостаточно. Мнѣ нужно свободы дѣланія. Но эта свобода не только свобода. Она уже — *власть*. Власть реального воздѣйствія на косную среду міра. Власть претворенія однихъ элементовъ жизни въ другіе. Творческая власть созидація того, чего еще нѣтъ. Религіозная, благодатная сила преображенія того, что исполнено зла и неправды.

Свобода дѣланія заключается въ томъ, что я свободенъ и властенъ дѣлать то, чего я свободно хочу. Я долженъ быть въ состояніи перевести въ жизнь свою грезу, а эта греза, особенное интимное чувствованіе своего идеала жизни, часто слабое настолько, что выражается только въ смутномъ недовольствѣ всѣмъ даннымъ, имѣется у каждаго человѣка. На днѣ души моей, въ самыхъ затаенныхъ глубинахъ ея, сверкаетъ одно изумительное переживаніе. Я вижу міръ искупленнымъ. Я вижу знакомыя, дорогія лица преображенными. Я прозрѣваю такую бездонную радость, въ которой тонуть безслѣдно и растворяются всѣ страданія міра. *Этого* я хочу. Хочу всей душой, всею свободой своею. Хочу всѣми силами духа своего, чтобъ это стало на мѣсто того, что существуетъ теперь. Это форма моей мечты. Но каждый человѣкъ имѣетъ свою мечту. Греки свою мечту о прекрасномъ мірѣ, свой жизненный идеалъ воплотили въ своей мифологіи. И они *хотѣли*, чтобъ міръ мифологіи былъ реальностью. Свою мечту о мірѣ имѣетъ каждый сильный поэтъ, каждый художникъ. Каждый грезитъ о мірѣ своеобразнымъ,